

МАЯКЪ

СОВРЕМЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ОБРАЗОВАННОСТИ.

БІБЛІОТЕКА
Państw. gim. męsk.
w ŁOMŻY.

Luceat lux vestra coram hominibus.

XI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1840.

НЕОРАМА,

СМѢСЬ И РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— 23 —

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОХОДѢ

УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ ПРОТИВЪ ХИВЫ, ВЪ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

Статья Академика Бера.

Послѣ согласія Хаана Хивинскаго на исполненіе справедливыхъ требованій Россіи, очень кстати будетъ напомнить о набѣгѣ на Хиву и завоеваніи Уртекча столицы ханства Хивинскаго, совершенныхъ лѣтъ за 200 назадъ Уральскими казаками.

Чтобы понять хорошенько исторію этого похода, должно обратиться къ происхожденію самыхъ казаковъ. Когда царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, на второй половинѣ своего государствованія, захотѣлъ распространить владычество свое въ степяхъ киргизскихъ и вдоль низовьевъ Волги, и рѣшился обезпечить безопасность торговыхъ путей сообщенія, казаки, бывшіе до тѣхъ наѣздниками степей, сильно возставали противъ сего новаго порядка вещей. Происхожденіе ихъ относится ко времени первыхъ побѣдъ одержанныхъ великими князьями западной Руси надъ Монголами. При паденіи монголо-татарскаго владычества казаки выдавали себя за вѣрнѣйшихъ подвижниковъ царства Московскаго, между тѣмъ какъ они, подъ именемъ степныхъ вольныхъ наѣздниковъ производили не однократные набѣги на Кипчакъ и безпокоя

Татаръ, равно быстрые въ утечкѣ и нападѣніяхъ, грабили побережья Волги, на перетаскиваемыхъ туда волокомъ ладьяхъ. Имъ показалось несправедливымъ, что царь прежде бывшій союзникъ ихъ, послѣ покоренія Астрахани, захотѣлъ обезопасить волжскіе пути сообщенія и предъявилъ единовластные права свои на тамошнія земли. Они уклонились далѣе и начали производить разбои свои на Каспійскомъ морѣ, на которое, по мнѣнію ихъ, не должна была простирается власть царей Московскихъ. Вскорѣ вышло со всѣмъ другое. Извѣстно, что тотчасъ по покореніи Астрахани, Англичане, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, открыли устье Двины (сѣверной) и вступивъ оттуда въ союзы съ Россією, готовились открыть торгъ съ Персією, и другими странами востока со стороны Каспійскаго моря и что царь Іоаннъ съ величайшею готовностію поддерживалъ это начинаніе. А казаки съ своей стороны, нашли за благо, отнять насильно у чужеземцевъ часть барышей ихъ не только на Волгѣ, но и на водахъ каспійскихъ, и такимъ образомъ отбили они у Англичанъ, на ладьяхъ своихъ, около 1575, цѣлый корабль

ихъ съ грузомъ. Англичанамъ превозносившимъ до небесъ современные морскіе разбой Френсиса Дрека (Francis Drake) на Атлантическомъ океанѣ, показались такіе же разбой на Каспій дѣломъ ужаснымъ и противнымъ всякому народному праву. По усиленнымъ жалобамъ ихъ положенъ предѣлъ удалству казаковъ: передъ силами, которыми Москва велѣла на нихъ ополчиться, казаки уклонились въ разныя стороны на поискъ областей, гдѣ бы съ большею свободою могъ принятливый духъ ихъ разгуляться на просторѣ. Извѣстно, что въ слѣдствіе этихъ поисковъ новыхъ раздольнѣйшихъ земель для казачьей удали, Ермакъ съ толпою своихъ единомышленниковъ перешелъ за горы Уральскія и вскорѣ потомъ повергъ къ стопамъ царскимъ, въ залогъ покорности, новую корону. Другая патага подъ предводительствомъ извѣстнаго Нечая пустившись съ береговъ Каспія вверхъ по рѣкѣ Уралу или Янку до Татарскаго города Сарайчика, завоевала сей городъ и поселилась въ его окрестностяхъ. Совершенно истощенные Татаре разсѣялись, и какъ гласитъ преданіе, убѣгая отъ казачьихъ нападеній, отправились къ берегамъ Аральскаго моря въ страну названную Хивую. Едва только Нечай, а можетъ быть и сынъ его (по собраннымъ свѣдѣніямъ называется онъ иногда *Нечаемъ*, а иногда *Нечасымъ*) узналъ о томъ, какъ призналъ за благо посягнуть бѣглецовъ и въ ихъ новой осѣлости. Старшины составили совѣтъ. Въ совѣтъ сѣмъ засѣдалъ какой-то бѣжавшій изъ Россіи *дьякъ* (стало быть и грамотѣй); по трудности пути, это предпріятіе показалось ему слишкомъ опаснымъ. На сомнѣнія дьяка отвѣчали самыми разительными аргументами: его повѣсили. Послѣ сего, всѣ убѣдились въ возможности исполненія, и говоря словами Мюллера — все удалое казачество отправилось въ Хиву на Ургенчъ; одни больные и дряхлые остались на Янкѣ.

Послѣ нѣкотораго сопротивленія Ургенчъ былъ завоеванъ. Кромѣ другой богатой добычи, захвачены были и женщины и Нечай или Нечаевъ объявилъ жену бѣжавшаго Хана своею супругою, которая, по видимому, весьма довольна была таковою переменою, и

охотно слѣдовала за новымъ своимъ мужемъ. Мюллеръ не опредѣляетъ времени сего внезапнаго завоеванія и говорить о немъ какъ о событіи не достовѣрномъ. Въ немъ нельзя, однакоже, усомниться, по свидѣтельству Абулгази, который, вскорѣ потомъ, вступилъ въ обладаніе Хивою, и рассказываетъ подробно о происшествіи сѣмъ относя его къ веснѣ *) 1605 гѣда. Число Русскихъ (Урусамъ) называетъ онъ сей вторгнѣйся народъ, производимый имъ съ береговъ Янка) простиралось до 1.000 человекъ. Онъ, какъ кажется, особенно любитъ это круглое число, прибавляя что Русскіе перебили до 1000 жителей, нагрузили добычею 1000 повозокъ и увели въ плѣнъ до 1000 женщинъ!

Окончаніе сего набѣга, было гораздо несчастнѣе начала. Ханъ былъ въ походѣ противъ Бухары, когда произошло это нападеніе; по первому извѣстію о томъ, воротился онъ во своисѣ. Прежде бывшая ханша, а теперь уже супруга казачьяго головы, обратилась немедленно въ бѣгство, по добру или лѣту — не извѣстно. Но когда казаки съ добычею и похищенными женщинами хотѣли отправиться домой, ихъ встрѣтило въ одной тѣснинѣ зашедшее впередъ Хивинское войско, перекопавъ ущелье широкимъ ровомъ и загородивъ его тыномъ. Послѣ двухдневной борьбы удалось имъ однакоже пробиться, хотя и съ потерей добычи. Ханъ обогналъ ихъ опять и встрѣтилъ точно также въ новой тѣснинѣ. Казаки терпѣли величайшій недостатокъ въ водѣ и при

*) Онъ именно говоритъ что описанный имъ въ слѣдъ за сѣмъ бѣдственный походъ слѣдовалъ за 40 дней до его рожденія, и что отецъ его — тотъ самый Ханъ, въ царствованіе котораго произошло вторженіе Русскихъ въ Хиву, именно по этому случаю и далъ ему имя *Абулгази* (Борець вѣры). *Багадуръ* (герой). Рожденіе Абулгази-Багадуръ Хана совпадаетъ, по мнѣнію ориенталистовъ съ 90 числомъ іюля, а вторженіе казаковъ въ Хиву съ 9 или 10 числомъ іюня: стало быть походъ ихъ могъ точно быть предпринятъ весною.

вторичномъ усилии пробиться сквозь неприятельскіе ряды, погибли многіе, а въ числѣ ихъ и самъ воевода. Нѣкоторые переправились за рѣку Кезель, настроили себѣ шалаши и питались рыбою. Абулгази рассказываетъ, что узнавъ о томъ дней черезъ пять, Ханъ послалъ за ними погоню, которая всѣхъ ихъ перебила. Но едвали возможно было имъ въ такое короткое время настроить себѣ шалаши. Прочіе добрались до Яика, заняли свои прежнія пепелища, и усилили свое небольшое народонаселеніе пріемомъ другихъ охотниковъ, такихъ же удалцовъ какъ и они сами *).

Вскорѣ послѣ ухода казаковъ вторглись Калмыки въ сѣверные предѣлы Хивы, но преслѣдуемые Ханомъ принуждены были оставить и пѣвниковъ и добычу. Десять лѣтъ спустя Калмыки сдѣлали вторичное нападеніе на Хиву и въ этотъ разъ ушли оттуда съ полною добычею. Хива неоднократно была завоевываема Персіянами и Бухарцами, какъ то значить въ исторіи этихъ степныхъ областей наполненной извѣстіями о подобныхъ разбойническихъ набѣгахъ. Только на верхнемъ гребнѣ этой степи, въ Бохарѣ, Самаркандѣ, Балхѣ, Хоразани и продолженіи той же плоскости далѣе къ Авганистану произращала эта почва цвѣты нѣкотораго образованія менѣе переходчивые. Конечно Хива, прежде бывшая Ховарезмъ, была значительнымъ государствомъ во времена Чингисъ-Хана, но теперь не примѣтно чтобы внутренняя жизнь связывала между собою эти разединенныя области. Всѣмъ извѣстно какъ она быстро распалась при натискѣ Монголовъ. Мухамедъ, тогдашній султанъ Ховарезмскій, принужденъ былъ скитаться изъ одной въ другую области своего обширнаго государства, пока не нашелъ онъ себѣ могилы на одномъ пустынномъ островѣ Каспійскаго моря.

Мы удалились бы отъ цѣли своей, еслибъ вздумали описывать всѣ нападенія на Хиву: только о вторженіи въ нее съ

сѣвера желали мы напомнить, ибо многіе сомнѣваются въ возможности завоевать Хиву, проникнуть въ нее съ сѣвера. Въ самой Хивѣ существуетъ нное повѣрье: со временъ внезапнаго вторженія лицкихъ казаковъ, Хивинскій народъ съ трепетомъ вѣритъ что Русскіе, раноли, поздноли, а завоюють Хиву. Неудачи похода князя Александра Бековича, произошли, конечно, отъ избытка его въ довѣріи къ самому себѣ.

Тѣже самые Уральскіе казаки, которые во времена первоначальной осѣлости своей на берегу Яика завоевали и разграбили Ургенчъ, и теперь еще съ необыкновенною силою выдержали въ степи, ко всеобщему удивленію, ужасную прошлогоднюю зиму. Тѣже самыя пѣсни, которыя поютъ казаки на родинѣ, раздавались на бивакахъ ихъ и подъ громадами снѣговъ, въ 30° мороза — какъ говоритъ письмо, полученное прошлой зимою изъ Аль-Булака.

(Пер. изъ St. Petersburgische Zeitung No 249).

ЧЕРТЫ ИЗЪ ПАРИЖСКАГО ВЪТА

I.

КВАРТИРА ВЪ НИЖНЕМЪ ЖИЛЬѢ.

Знаете ли вы всѣ бѣды и напасти, которымъ подвергается житель нижняго этажа? Вообразите же что ни Сильвіо Пеллико, засаженный въ carcere durissimo, ни Казанова за живо погребенный въ Piombi di Venezia, ни Латюдь запертый въ Бастилію, ни самъ Уголлино не выносили такихъ непріятностей какъ бѣдный постоялецъ какого нибудь нижняго, приземистаго жилья.

Первое неудобство подобной квартиры надъ самымъ подваломъ, — въ ней жить нельзя. Подумаешь — сама улица какъ бы сжалась надъ вашей мизерной персоной, даетъ вамъ изъ милости какой то

*) Абулгази увѣряетъ что изъ похода сего ни одинъ казакъ не воротился живымъ, но Мюллеръ подтверждаетъ все сказанное нами.

7722
2336

Уральская
Библиотека

Подъ редакціей
С. А. Шапошникова.

Выпускъ
1.

Цѣна
10 к.

по исторіи
УРАЛЬСКАГО

Казачьяго Войска.

Книга первая.

Издательство

ГОРЫНЫЧЪ.

Весною 1591 года въ помощь этому войску было отправлено новое, среди котораго находилось 50 яицкихъ и 1000 волжскихъ казаковъ.

Походъ окончился полнымъ пораженіемъ Шамхала.

19. Походъ Нечая въ Хиву.

Раннею весною 1605 года, ограбивъ караваны хивинскихъ куицовъ и узнавъ отъ нихъ, что ханъ Арабъ-Мухаметъ находится далеко отъ своей столицы, Ургенча, яицкіе казаки рѣшили идти въ Хиву. Походнымъ атаманомъ они выбрали Нечая, человѣка властнаго, не терпящаго возраженій.

„Нечай говоритъ—словно труба трубитъ,

„Начнетъ покрикивать—словно свирѣль

свиститъ“,

поютъ казаки о Нечаѣ.

Посѣщая въ былыя времена Хиву по рѣкѣ Узбой, соединявшей раньше Аральское море съ Каспійскимъ, казаки отлично знали о неисчислимыхъ богатствахъ и красавицахъ—женахъ хивинскаго хана. Въ этотъ разъ казаки отправились степью.

Преданье рассказываетъ, что спустившись внизъ по Яику до Дьяковыхъ горъ, они остановились, чтобы выработать маршрутъ. Дьякъ (писарь) Нечая заговорилъ о трудностяхъ похода, о небольшомъ запасѣ провіанта для такой дальней дороги, о незнакомой степной мѣстности и незначительномъ

числѣ казаковъ (около 500). Рѣшительный Нечай очевидно, боясь, что малодушіе дьяка отразится на его воинахъ, приказалъ писаря немедленно повѣсить. Оттого говорить преданіе, эти горы съ тѣхъ поръ именуется Дьяковыми.

Хива, въ которой въ это время находились только женщины, старики и дѣти, безъ боя отдалась казакамъ. Тамъ Нечай одну изъ ханскихъ женъ взялъ себѣ, другіе были раздѣлены между казаками. Цѣлую недѣлю Нечай пировалъ въ Хивѣ, несмотря на предупрежденіе полюбившей его женщины о скоромъ возвращеніи, извѣщеннаго хивинцами о постигшемъ ихъ несчастіи, хана.

Но вотъ нагрузили казаки самыми дорогими вещами телѣги, сожгли все, что не могли взять съ собою, захватили въ плѣнъ массу юношей и дѣвушекъ и вышли изъ города.

Возвратившійся Арабъ-Магометъ обогналъ казаковъ и, устроивъ окопы, отрѣзалъ имъ отступление.

Семь дней сражались казаки, но измученные сильною жарою и жаждою, потеряли окончательно свои силы и пали, изрубленные хивинскими саблями. Только около ста человекъ сумѣло добраться до берега Аму-Дарьи, гдѣ и устроили они небольшое деревянное укрѣпленіе. Питаясь рыбою, они продержались тамъ 15 дней, и затѣмъ были перебиты.

Всего только 3 или 4 человека изъ участвовавшихъ въ первомъ хивинскомъ походѣ возвратились на свой родной Яикъ.

Е. И. КОРОТИН

Уральский педагогический институт

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЛИРО-ЭПИЧЕСКОЙ ПЕСНИ О ПОХОДЕ ЯИЦКИХ КАЗАКОВ В ХИВУ

(по записям 60—70-х годов XX века)

Песенное творчество яицких казаков отразило события более трехвековой исторической, социальной и общественно-бытовой жизни казачьей общины. Подчиняясь закономерностям фольклорного развития, многие песни, в прошлом исторические, утрачивали свои исторические реалии и, превратившись в лиро-эпические, дошли до наших дней.

В течение 20-летней собирательской работы в Приуралье, в регионе бывшего Уральского казачьего войска, нами записаны: «Как за речкою было за быстрою, за Утвою», «За Уралом есть то место», «Уж конь ты наш, конь, конь серопегий», «Уж ты раздольице мое широкое», «Уж ты полюшко мое, поле чистое», «Не один казак гулял», «Как не ясные соколики солетались», «На дубу было дубочке» и др.

Характерной особенностью этих песен является обобщенность повествования. Хроникальность, точность в передаче фактов им не свойственна. Тем не менее постоянными, устойчивыми в них остаются эпический коллективный или обобщенно-индивидуализированный образ казаков или казака, географические и топонимические названия, связанные с событиями и участием в них яицких казаков. Все это указывает на то, что в основе каждой песни лежит какое-то историческое событие или типичное явление казачьей жизни.

В 1961 году в пос. Круглоозерном Уральской области от старого казака Е. П. Серова (75 лет) мы записали песню «Как не ясные соколики солетались»:

Как не ясные соколики солетались,
Не хивинские лезервушки, да,
Ане только все соезжались,
Лезервушки соезжались.
Вот сходились, ребятаушки, да,
Ане только во единый круг,
Во единый круг.

За единую, ребятушки, да,
Ане только думу-думали,
Думу думали:
Ну кому из нас, ребятушки, да,
Да кому из нас атама-атаманом быть?
Атаманом быть?
Ну кому из нас, ребятушки, да,
Еса-есаулым слыть?
Есаулым слыть?
Уж мы выберем, ребятушки, да,
Себе мы атаманушку,
Атаманушку.
Уж мы выберем, ребятушки, да,
Только себе есаулушку,
Есаулушку.
Атаманушку уж выберем, да.
Мы себе походныва,
Мы походныва.
Есаулушку, ребятушки, да,
Выберем себе залетныва,
Все залетныва.
Атаман говорит, ребятушки, да,
А вон ровно во трубу, во трубу-то он трубит,
Во трубу трубит.
Есаул говорит, ребятушки, да,
А он ровно во сверло, во сверло-то он сверлит,
Во сверло сверлит:
От долго ли, ребятушки, да,
Долго ль будем на Дарье, на Дарье-то мы стоять
На Дарье стоять?
От и долго ль, ребятушки, да,
Долго ль будем караул, караул-то мы держать,
Караул держать?
Вот к Хиве придем, ребятушки, да¹,
Придем, а мы поздно ве — поздно вечером,
Поздно вечером.
(Мы к Дарьем, поздно вечером, поздно вечером);
Мы Дарью пройдем, ребятушки, да,
Пройдем ее во глуху, во глуху-то мы полночь,
Во глуху полночь.
Мы Хиву возьмем, ребятушки, да,
Возьмем ее мы на белой, на белой-то мы заре,
На белой заре.
На белой заре, ребятушки, да,

---

¹ Пропев в этом стихе «К Хиве» вместо «К Дарье», певец видимо, в следующей строфе, взятой нами в скобки, пытался поправиться, но сложить традиционную строфу не смог.

Возьмем ее все на утре — все на утренней,
Все на утренней.

География современного бытования этой песни в Приуралье довольно широка: в г. Уральске она была записана от Г. М. Колузанова; в пос. Барановка — от В. М. Пустобаева; в пос. Шапово — от И. В. Лачугина; в пос. Янайкино — от Я. Г. Федулеева; в пос. Карши — от Я. С. Окушникова. Все исполнители в возрасте свыше 60 лет. Сюжет песни в записанных вариантах не совсем устойчив. Она забывается. Песенники не указали ни одного письменного источника усвоения песни. Нами нигде не обнаружен «Сборник уральских казачьих песен» Н. Г. Мякушина. Исполнители усвоили песню из устной традиции. А вот в записи ее от среднего поколения, от семейного хора Донсковых — жителей пос. Круглоозерный, получен вариант с иной концовкой. После выборов атамана и есаула казаки собираются идти на Москву(?): «На Москву пойдем, мы Москву возьмем. Мы, ребятушки, верно, во глуху, да, мы полночь». В заключение И. К. Донсков пояснил: «Дойдем до Дона, а там Москву возьмем», — говорил Пугачев».

Никто из песенников, исполнявших нам «Как не ясные соколики...», а также и слушатели не смогли объяснить содержания песни и связать ее с определенными событиями, а тем более с историческим фактом. Тем не менее они понимают, что речь в ней идет о враждебном казакам Хивинском ханстве. Угасанию в народной памяти события, отраженного в песне, способствовали не только устная форма бытования ее, но и другие обстоятельства. На протяжении трех веков яицкие казаки не раз совершали походы на Хиву, почти всегда кончавшиеся трагически для них². Вследствие этого с течением времени события наслаивались одно на другое, исторические реалии в рассказах, преданиях, песнях смыслились, а факты приобретали обобщенно-типическое выражение.

Впервые песня «Не ясные соколики слетались» была опубликована в 1848 году М. И. Иваниным в «Отечественных записках» под заголовком «Уральские песни».

Не ясные соколики слетались,
Не визири хивинские съезжались —
Сходились и съезжались добры молодцы,
Казаки удалые приуральские,

² В XVII веке гибелью казаков закончились походы атаманов Нечая, а потом Шамая в Хиву; в 1717 году поход казаков с князем Бековичем-Черкасским; в 1820, 1824 годах казаки участвовали в экспедициях в Среднюю Азию; в 1839—1840 годах два казачьих полка принимали участие в трагическом походе В. А. Перовского в Хиву и др. Казаков брали «в полон с линии» и продавали в рабство в Хиву. Перед походом Перовского в Хиве, по сведениям М. И. Иванина, томилась в неволе до трех тысяч человек, после похода оттуда было возвращено 600. См.: *Иванин М. И.* Зимний поход в Хиву в 1839—1840 годах. СПб., 1874. В народе, как писал И. И. Железнов в очерке «Хива», сложилось представление о Хиве как закланной стране, которую до поры до времени не брать. См.: *Железнов И. И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков. 2-е изд. СПб., 1888, т. 3.

И крепкую же думушку тут думали:
 Кому из нас, ребята, атаманом быть?
 Атаманом быть, ребята, есаулом слыть?
 Мы выберем себе здесь в атаманушки,
 Налёта мы возьмем себе походного,
 Нечая-казака возьмем бывалого!
 Нечай заговорит — словно труба трубит,
 Начнет покрикивать—словно свирель свистит:
 — А долго ль нам, ребята, на морях стоять?
 Все на морях стоять — так лишь разбой держать!
 Пора нам, ребятам, пора опомниться,
 Пора опомниться, пора успокоиться!
 Успокаемся, ребята, Царю-Белому,
 Пойдемте-тко, ребятушки, в Россиюшку,
 Снесем-ко свои головы повинныя!..
 Не то — пойдем теперь заполоним Хиву;
 Мы Дарью-речку пройдем рано с вечера,
 Куван-реку пройдем в глухую полночь мы,
 В Хиву придем, ребятушки, на зореньке,
 Хивинскому султану не поклонимся,
 В Хиве привольно заживем мы барами!³

В примечании сообщалось, что песня записана от уральских казаков. Но где именно, когда, от кого, при каких обстоятельствах — не указано. Сопоставление ее с нашими вариантами показывает, что в сюжетной основе они сходны, но в варианте М. И. Иванина называется имя атамана — Нечай. Однако песня явно подверглась литературной обработке, что лишило ее специфических особенностей казачьей манеры исполнения (распетости слов, повторения стихов, эфонических частиц, местных лексических особенностей языка). Несмотря на это историки уральского казачества считают ее подлинно народной. Песня неоднократно перепечатывалась⁴, хотя И. И. Железнов о своей записи говорил,

³ *Иванин М. И.* Уральские песни. — Отечественные записки, 1848, № 8. Здесь также было помещено еще 8 песен: «О Ермаке», «Год князя Волконского на Урале», «Разин и казачий круг», «Яик ты наш, Яikuшка», «Поход казаков с Цюлковским на Эмбу», «Уж как шли-прошли казаки», «Как шли два невольника», «За Утвою».

⁴ В. Витевский, например, дословно перепечатал ее из «Уральских песен» М. И. Иванина. См.: *Витевский В. Н.* Яицкое войско. — Русский архив, 1879, № 1. А вот Н. Г. Мякушин, видимо, усомнился в подлинности песни «Не ясные соколики солетались», извлеченной из «Отечественных записок», и внес поправки в иванинский вариант: в стихи 4, 5, 11, 14, 15, 17, 18, 19, переделал 20-й, а вместо:

Мы Дарью-речку пройдем рано с вечера,
 Куван-реку пройдем в глухую полночь мы,
 В Хиву придем, ребятушки, на зореньке,
 Хивинскому султану не поклонимся,
 В Хиве привольно заживем мы барами!

напечатал:

Покорим ее Царю-батюшке,
 А Хивой тогда, ребята, мы поклонимся.

См.: *Мякушин Н. Г.* Сборник уральских казачьих песен. Спб., 1890.

что она напечатана М. И. Иваниным «с некоторыми изменениями».

В 1854 году в журнале «Москвитянин» появляется повесть И. И. Железнова «Василий Струняшев». Писатель вводит в повествование песню «Не ясные соколики солетались», которую поют казаки:

Не ясные соколики слетались,
Не хивинские визирюшки съезжались:
Сходились, съезжались добры молодцы,
Добры молодцы, уральские казаченьки,
Они думу крепку думали:
— Да кому из нас, ребята, атаманом быть?
Атаманом быть, ребята, эсаулом слыть? —
— Уж мы выберем, ребята, атаманушку,
Атаманушку мы выберем «походного»,
Эсаулушку мы выберем «залетного». —
Атаман-то говорит, братцы, как в трубу трубит,
Эсаул говорит, братцы, как в свирель свистит:
— Еще долго ль нам, ребята, **на Дарье стоять?**
На Дарье стоять, ребята, караул держать?
Мы Дарью-реку пройдем рано с вечера,
А Куван-реку пройдем во глуху полночь,
А в Хиву придем вокруг белой зари.
Мы хивинскому султану не покоримся,
С его младыми женами познакомимся:
А поклонимся, покоримся Царю-Белому,
Царю-Белому, ребята Петру Первому⁵.

И. И. Железнов также не указал, где, когда, от кого записана им песня. Сопоставив ее с нашим вариантом, записанным через сто лет, легко заметить, что в железновской публикации произведение утратило традиционную форму, хотя следовало бы ожидать обратного. Следовательно, И. И. Железнов подверг песню литературной правке, или, как знаток казачьей песенной традиции, записал ее по памяти⁶, опустив при этом повторы слов и стихов, отдельных частиц. Слово «эсаул» он дал в несвойственной для «низовских» казаков (при их диалектном «иканье») транскрипции «эсаул». Собственно, Железнов напечатал песню не в ее песенной форме. В ней он выделил слова «походного», «залетного», **на Дарье стоять, караул держать**, а в пространном подстрочном комментарии развернул полемику с М. И. Иваниным.

---

⁵ Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков, т. 2, с. 45.

⁶ В примечании к песне И. И. Железнов, в частности, пишет: «Вышеприведенная песня, с достоверностью можно сказать, *написана* мною так (выделено мной. — Е. К.), как она у нас поется на Урале, и как, по отзыву старожилов, певалась в старину. — Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков, т. 2, с. 47.

И. И. Железнов считал, что эта песня не об атамане Нечаяе, потому, во-первых, что он был атаманом войсковым, а не походным (а в песне изображен именно походный), во-вторых, уральцы и казаки-песенники имени Нечая в песне не упоминают и о нем не слыхали, в-третьих, выборы походного атамана происходят не на Урале, а «в киргизской степи, именно на берегах Сыр-Дарьи». Все это, по мнению писателя, как нельзя лучше соотносится с другим походом — казачьего атамана Шамая, который ходил «по следам Нечая в Хиву» и попал в плен к калмыкам. Тогда-то оставшиеся без атамана казаки, «скитаясь около Сыр-Дарьи», и думали «крепку думу» о выборе другого атамана — *походного*. Таким образом, И. И. Железнов приходит к заключению, что песня связана с походом Шамая в Хиву: «...содержание песни отношу к событию не этого похода (т. е. Нечая. — Е. К.), а другого — к событию похода Шамаева»⁷.

И. И. Железнов считает, что М. И. Иванин по собственному почину вставил имя Нечая в песню, основываясь на известном предании о разграблении яицкими казаками Ургенча — столицы Хивы, которое было записано П. И. Рычковым в Яицком городке в 1748 году.

Признать суждения И. И. Железнова убедительными трудно, потому что, во-первых, варианты записанной М. И. Иваниным и И. И. Железновым песни отделены от событий, изображенных в ней, почти двумя с половиной столетиями, вследствие чего затруднительно выявить в ней конкретную историческую основу событий.

Во-вторых, акцентировать внимание на словах «походный», «залетный» не вполне правомерно. А. Б. Карпов в своем фундаментальном исследовании⁸ приводит данные первой переписи яицких казаков, проведенной в 1632 году Богданом Змиевым (переписью зафиксировано 950 казаков). Походы Нечая и Шамая были до переписи, тогда, когда вряд ли казачьи ватаги уже сформировались в войско, а должности «войскового» и «походного» атаманов с их полномочиями утвердились в разбойной казачьей жизни.

В-третьих, обвинять М. И. Иванина в фальсификации — крайность, возможная у автора, не вполне представляющего себе особенности фольклорного развития. М. И. Иванин хорошо знал жизнь уральских казаков. С 1835 года он служил в Оренбургском крае, участвовал в трагическом хивинском походе 1839—1840 годов под предводительством генерал-адъютанта В. А. Перовского, впоследствии официальный историк этого похода⁹. Опубликованные М. И. Иваниным 9 песен, среди которых и «Не ясные соколи-

---

⁷ Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков, т. 2, с. 46.

⁸ См.: Карпов А. Б. Уральцы. Исторический очерк. Уральск, 1910.

⁹ См.: Иванин М. И. Зимний поход в Хиву 1839—1840 гг. Спб., 1874.

ки солетались», были записаны им от уральских казаков, вероятнее всего, во время хивинского похода, в котором принимали участие два казачьих полка. На это указывает тематическое единство песен, прямо или косвенно связанных с походом: «Не ясные соколики...», «Как шли два невольничка» (о выходе из хивинского плена), «Поход казаков с Циолковским на Эмбу», «Уж как шли, прошли казаки» (о походе под Азов), «За Утвою», «Яик ты наш, Янкушка».

Несмотря на то, что иванинский вариант, равно как и железновский, подвергся правке, имя Нечая могло быть исконным в песне. В своих суждениях И. И. Железнов отправляется от главного тезиса, безусловно, верного — в основе исторической песни должно лежать какое-то важное событие. Но к анализу самой песни он подходит односторонне, упрощенно, не учитывая художественной специфики фольклора: историческая песня не копия события, а художественное изображение его. Событие может найти отражение в жанрах и не исторических, скажем, в лирической песне (примеров тому в фольклоре немало). При всей своей устойчивости песни, как и вообще фольклор, в процессе бытования подвергаются изменениям. Например, в записанных нами казачьих былинах «Добрыня — сын Горынович», а не «Никитич». Добрыня стреляет в голубей, а убивает Тугарина, тогда как исконным борцом с Тугариным является Алеша, — все это творчество исполнителей, а не произвол собирателей.

Важнейшим событием, которое легло в основу песни «Не ясные соколики солетались», был, безусловно, поход Нечая в Хиву, взятие и разграбление яицкими казаками города Ургенча в 1603 году¹⁰.

Дойти небольшому отряду в 500 человек до Хивы, преодолев безводный путь более чем в тысячу километров среди враждебного населения, овладеть Ургенчем и с богатой добычей отправиться обратно — факты беспримерной отваги и мужества, достойные воспевания, поразившие воображение не только современников и последующие поколения казаков на Яике, но и хивинцев. Абул-Баядур-хан, родившийся через сорок дней после победы, одержан-

---

¹⁰ Исторические сведения об этом походе дошли до нас благодаря П. И. Рычкову. В бытность свою в Яицком городке по предписанию Государственной военной коллегии от 22 июля 1748 года с целью составления истории яицких казаков он записал предания, среди которых есть и о походе Нечая в Хиву. В пересказе Рычкова Нечай называется казаком, а не атаманом. См.: Топография Оренбургской губернии. Сочинение П. И. Рычкова 1762 года. Оренбург, 1887. Сведения о нападении казаков на Ургенч содержатся в книге историка и хана Хивы Абул-Гази-Баядур-хана, благодаря которому устанавливается точная дата захвата казаками Ургенча — конец июня 1603 года. См.: *Тредьяковский В. К.* Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописной татарской книги сочинения Абул-Гази-Баядур-хана. СПб., 1768.

ной его отцом ханом Хивы Араб-Мухамедом над «джаик» (казаками), получил по этому случаю дополнение к своему имени — титул «Гази» — «воитель за веру».

Последующий поход атамана Шамая в Хиву не был столь значительным, так как цели не достиг. Не дойдя до Хивы, Шамай был пленен калмыками, а казачий отряд погиб.

В народной памяти дерзостный поход Нечая поддерживался устными рассказами, на основе которых сформировалось предание, записанное П. И. Рычковым, и песня «Не ясные соколики солетались», записанная М. И. Иваниным в конце 30-х годов XIX века. К сожалению, вариантов песни, восходящих к более раннему времени, зафиксировано не было. Народная память сохраняет события Нечаяева похода, поэтому имя Нечая в песне, как об этом свидетельствует предание, вполне реально.

В течение трехвековой жизни песни процесс ее бытования активизировался постоянными событиями, связанными с Хивой: случаями многочисленных полонов казаков с линии и угона их в рабство в Хиву, рассказами и песнями о выходе из хивинского плена¹¹, новыми походами в Хиву и, наконец, покорением Хивы в 1873 году.

И. И. Железнов не пытался проследить эволюцию песни на основе закономерностей народного художественного творчества, но заметил, что концовка песенного варианта, записанного им:

А покоримся, поклонимся Царю-Белому,
Царю-Белому, ребята, Петру Первому —

вступает в противоречие с его ходом доказательства фальсификации М. И. Иваниным имени Нечая в песне. Поставленный в тупик, он поспешил дать не вяжущееся с фольклорной наукой объяснение: «...это, конечно, анахронизм, но я оставил эти стихи на том основании, что казаки всегда, произвольно, как им вздумается, заключают эту песню стихами, выражающими покорность и преданность их кому-нибудь одному из наших милостивых и мудрых государей»¹². Однако нельзя не заметить, что в этой фразе отражены, прежде всего, верноподданические чувства самого И. И. Железнова.

В связи с последним необходимо обратить внимание на исследование Н. М. Щербановым песенных записей И. И. Железнова.

В статье «Песенный фольклор уральских казаков в записях И. И. Железнова» Н. М. Щербанов пишет: «Довольно полно в публикациях Железнова представлены песни о военных походах уральских казаков в Хиву и на кочевников. Эти песни отличаются

---

¹¹ По сведениям В. Н. Витевского, казакам, вышедшим из плена, выдавали денежное пособие — 10 руб. «за полное их в Хиве терпение». См.: *Витевский В. Н. Яицкое войско*. — Русский архив, 1879, кн. 3, № 9, с. 211 и там же песню «Как шли два невольничка из неволи».

¹² Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков, т. 2, с. 48.

достоверным отражением исторических событий. В них часто упоминаются точные даты военных походов, названия городов, рек, мест сражения и пр.»¹³.

В публикациях И. И. Железнова песенный фольклор на эту тему представлен всего тремя песнями: «Не ясные соколики солетались», «Утва», «Уж конь ты наш серый, конь серопегий». Если учесть, что песня «Уж конь ты наш серый...» вводится И. И. Железновым как иллюстрация в рассказ «Хива»¹⁴ и является не исторической, а лирической, к тому же тематически не связана с каким-либо походом, а «Утва», по мнению Железнова, имеет общерусский характер¹⁵, то остается одна — «Не ясные соколики солетались». Что касается «точных дат», «часто» упоминаемых в песнях¹⁶, то это вообще не свойственно песням даже историческим, как казачьим, так и общерусским. Отсутствие «даты» и побудило Железнова к полемике относительно исторического приурочения песни «Не ясные соколики солетались» к хивинским походам. Этой песней ограничился и Щербанов для **доказательства** «полноты» представленных Железновым казачьих песен о военных походах. Автор статьи пишет: «Свои выводы (о песне «Не ясные соколики...». — Е. К.) Железнов формулирует на основе тщательного анализа многих вариантов этой песни. Рассматривая вариант песни, опубликованный М. И. Иваниним... собиратель обнаружил в нем многочисленные подделки и вставки»¹⁷. С этим трудно согласиться.

Во-первых, в публикациях И. И. Железнова нам известен один вариант этой песни, а архив И. И. Железнова утрачен. Сам И. И. Железнов в послесловии к песне ни прямо, ни косвенно о вариантах не упоминает.

Во-вторых, И. И. Железнов говорил лишь о напечатанной М. И. Иваниним песне «с некоторыми изменениями», не указав, с какими именно. Также и Н. М. Щербанов не показал и не мог показать «многочисленных подделок и вставок», так как располагал единственным вариантом песни — И. И. Железнова, а к современным записям песни не обращался. Правда, Н. М. Щербанов призывает на помощь М. Л. Михайлова и пишет: «Недоверие к записям Иванина было высказано М. Л. Михайловым»¹⁸. Однако

---

¹³ Щербанов Н. М. Песенный фольклор уральских казаков в записях И. И. Железнова. — В сб.: Фольклор Урала. Народное песенное творчество. Свердловск, 1977, с. 76.

¹⁴ Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков, т. 3, с. 96—97.

¹⁵ Н. М. Щербанов соглашается с И. И. Железновым, хотя речь может идти об общерусских мотивах в казачьей песне «Утва».

¹⁶ Из шести тысяч произведений казачьего фольклора, собранных нами, можно выделить три песни с элементами относительной датировки: «Как во 75-й год в заточеньи был народ», «Как 6 декабря», «Как 12 года поседелье орлы».

¹⁷ Щербанов Н. М. Песенный фольклор уральских казаков в записях И. И. Железнова, с. 76—77.

¹⁸ Там же.

ссылка на поэта-демократа М. Л. Михайлова в данном случае вряд ли удачна: он был в Уральске наездом и не с фольклористическими целями. В своих «Уральских очерках», предложив читателям всего четыре казачьих песни, он заключает: «Вот и все сколько-нибудь заметные песни уральских казаков»¹⁹. Изучением казачьего фольклора и анализом песенного творчества он, к сожалению, не занимался.

Декларативны в статье Н. М. Щербанова утверждения о правильности указанных И. И. Железновым недостатков собирательной практики Иванина, а также высказывания, будто Железнов ратует за бережное отношение к народной песне²⁰.

Таким образом, ни И. И. Железнов, ни М. Л. Михайлов, ни Н. М. Щербанов конкретно не указали ни одной подделки и вставки М. И. Иванина в песне «Не ясные соколики солетались». Все известные фольклористике фальсификации вытекали из социально-классовых интересов собирателей и публикаторов фольклора или из стремления выдать подделку за оригинальный вариант или неизвестное науке произведение. У нас нет основания не доверять М. И. Иванину. Песня, записанная им и впервые опубликованная, является подлинной. Последующие ее записи в XIX и XX веках лишь подтверждают ее народную основу, сюжетное единство. Но в процессе бытования песня «Не ясные соколики солетались» не могла не испытывать влияния событий последующих времен и не подвергаться наслоениям. Со временем походы Нечая и Шамая слились в ней воедино, а имена героев постепенно исчезли. Песня вбирала в себя мотивы последующих эпох — отсюда в варианте И. И. Железнова появляется Петр Первый, а в нашем, записанном у Донсковых, — казаки уже собираются идти на Москву. В результате длительного процесса бытования она утратила исторический характер и превратилась в лиро-эпическую песню. В такой форме живет и сейчас без имени Нечая.

---

¹⁹ Михайлов М. Л. Уральские очерки (Из путевых заметок 1856—1857). — Морской сборник, 1859, № 9, с. 29.

²⁰ Щербанов Н. М. Песенный фольклор уральских казаков в записях И. И. Железнова, с. 77.